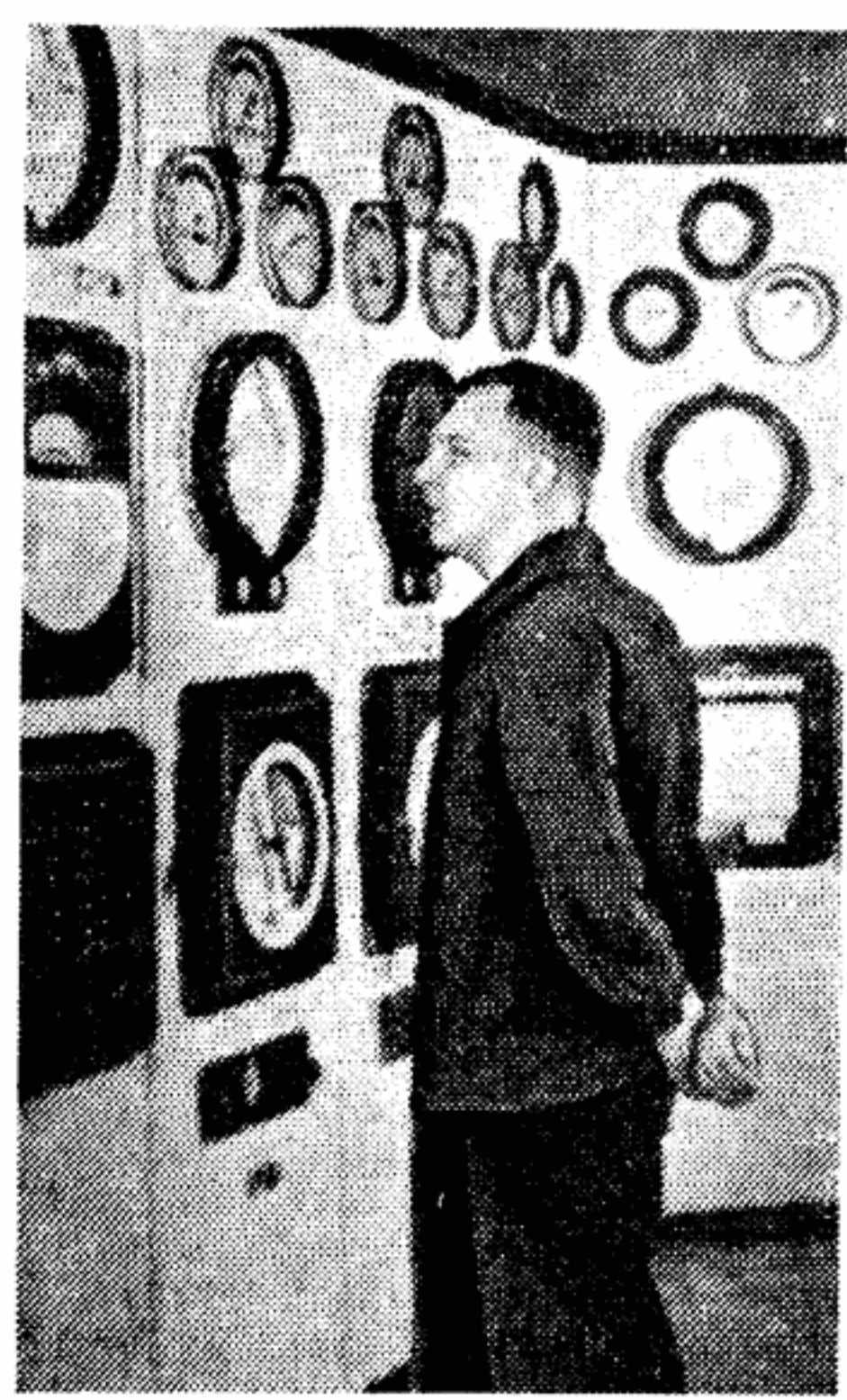

14 ИЮНЯ. Омск. Сюда прибыла выездная редакция «Литературной газеты». За неделю пребывания в Омске брига...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Писатели участвовали в творческой конференции начинающих поэтов и прозаиков. Сегодня члены бригады встретятся с творческой интеллигенцией города.

Омский нефтеперерабатывающий завод. У пульта управления — член бригады коммунистического труда Михаил Бутенко. Фото М. ТРАХМАНА

Подлинный хозяин

Глядите! Вот гигант-завод. Не передат любой рисунок. Его машины упрругий ход. Могучий гул его форсунок...

ОМСК

Дружба! Фрейндшафт!

ПРИЕЗД в нашу страну дорогих гостей — партийно-правительственной делегации Германской Демократической Республики — послужит еще больше...

Рапортуем Пленуму: Ангара перекрыта!

18 ИЮНЯ в пятнадцать часов тридцать минут вой сирены предупредил о взрыве. Над перемычкой, возведенной на Ангаре...

Н. ОХЛОПКОВ

ГЕРОЙ И ЭПОХА

Пишу это тебе как читатель, имеющий определенный вкус. Пишу потому также, чтобы ты, пища, не чувствовал себя одиноким.

А. ЧЕХОВ. То, о чем мне хочется говорить с моими друзьями по театру — драматургиями, — родилось как итог долгих наблюдений и раздумий над жизнью нашего общества...

Речь Н. С. Хрущева являлась таким мощным катализатором процессов, происходящих в мозгу каждого из нас, работников искусства...

Когда я слушал слова Никиты Сергеевича о великой силе положительного примера, о пафосе труда, зажигающем сердца...

Да, новый герой нашей эпохи, выйдя на арену истории, начал такую гигантскую и непримиримую борьбу за счастье народов...

С великодушным творческим дерзанием, с великой смелостью подлинных новаторов создавали свои песни, ставшие подлинной классикой, отцы советской драматургии.

- В СУББОТНОМ НОМЕРЕ: «Литературная газета» в Сибири. А. Безыменский, В. Берестов, В. Захарченко, Е. Строгова. Н. Охлопков. Герой и эпоха. Конст. Федин. Летом в Ясной Поляне. Ашот Граши, Владимир Лифшиц. Новые стихи. Владимир Беляев. В первые дни войны. Степан Злобин. Этого нельзя забыть. Б. Леонтьев. В защиту Прометея. Дружеские шаржи и эпиграммы.

Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день за них идет на бой! — но и каждую минуту, каждую секунду готов был пролить и проливал кровь за освобождение человечества...

Зрители жадно ждут от пьес и спектаклей ответов на тысячи острых вопросов, хотят знать, как жить, бороться, защищать то, что требует защиты, отвергать то, что себя изжило, износило.

Я обращаюсь ко всем прогрессивным драматургам мира: пойдите вместе с нами на бой за счастье наших летей, за покой наших матерей и жен, за справедливость!

Какую же роль отвести жизни и истории советским драматургам? На них смотрит весь мир как на один из самых передовых отрядов, прокладывающих путь к вершинам искусства.

Зрители жадно ждут появления на сцене «инициативной личности», «человека непонимания», сложного, дерзкого, сильно-го, хотя и необычайно скромного.

И было бы хорошо, если бы талантливые драматурги, выбирающие себе героев из будничной, простой жизни, сделали все, чтобы не преуменьшить их внутреннего богатства и не давать им в жизни легкой ноши.

Быть воинствующим философом, воинствующим гласнотворцем и справедливым — этого требует наша эпоха от любого деятеля искусства.

Об этом хочется говорить сегодня с теми, от кого особенно ждешь создания образа героя нашего времени.

Талантливый Володин начал искать героя с другого края, чем мы ожидали. Отражаясь во множестве зеркал, герой нашего времени раздробился на отдельные фигуры.

Нашел ли героя нашего времени другой, еще не маститый, но имеющий уже своих учеников талантливый Алексей Арубов? Он с большой последовательностью утверждает, что героями могут быть самые простые люди.

Арубов стремится по-своему ответить на вопрос, кого считать героем драматургии. Он утверждает в своем творчестве простых, обыкновенных людей.

И расказывают, с чего надо начинать. Но люди начинают с павильона электрификации.

Возле трансформатора стоит робот. Он принимает радиосигналы и двигает своей металлической мускулатурой.

Иногда художник может, если это диктуется его замыслом, любовно изобразить замоскворецкие тупики, окрашенные проулочки с запятыми акациями, треньгальное мандолин и гитар.

стом революции. Он был взят в огромной исторической перспективе, показан как человек гордого и свободного ума.

А какая бедная мыслью, чувствованиями молодежь часто встречается в современных «молодежных пьесах»!

О каком герое, «непримиримом и мятежном» герою больше, чем все дон-Кихоты и Фаусты прошлого, можно мечтать театрам, когда эмпирика, реализм, который Маяковский метко называл реализмом «на подножном корму», боясь романтичности все еще царит и в театрах, и в драматургии...

Приверженцы плоского реализма не склонны производить отбор и отсеивать факты действительности, а тем более устанавливать свой взгляд на эти факты (как можно смелое суждение иметь!).

(Окончание на 3-й стр.)

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Говорит Выставка...

ВЕРОЯТНО, все дороги на выставке ведут к павильону электрификации. Отсюда почему-то начинается осмотр.

И расказывают, с чего надо начинать. Но люди начинают с павильона электрификации.

Возле трансформатора стоит робот. Он принимает радиосигналы и двигает своей металлической мускулатурой.

Пройдет несколько лет, и формы робота изменятся: видно, на двух ногах ему не очень ловко ходить.

В доказательство этого мы можем уже сегодня наблюдать удивительную работу «электронного мозга».

Нет, в ближайший миллион лет человеку нечего опасаться, что его вытеснят роботы.

У нас еще есть дело на своей старой планете, дорогой товарищ.

Я подхожу к стендам павильона химической промышленности. На них — шины и купальники, рубашки и карельская береза, ванны и пицца.

стем невиданных вещей и материалов, без которых уже немисляна жизнь.

Если пройти насквозь павильон электрификации, выходящий прямо в поле.

Возле скульптуры конематки стоят сельские механизаторы и ведут специальный разговор.

Здесь показано наше сегодня, наша грандиозная перспектива. Не мечта, а реальность. Может быть, поэтому посетители ломаются в павильоне, демонстрирующие нашу технику, наши возможности...

сто не представляют себе, как это делается без трансформаторов, без линий, без проводов, без инициативных орудий.

Техника обступила полянку. Павильон машиностроения и павильон электрификации влились сюда, материально подтверждая, что коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

И хожу по выставке и думаю: не слишком ли много мы показываем? Не слишком ли много мы пишем стихов, в которых удивляемся тому, чему уже пора не удивляться?

Здесь показано наше сегодня, наша грандиозная перспектива. Не мечта, а реальность. Может быть, поэтому посетители ломаются в павильоне, демонстрирующие нашу технику, наши возможности...

— Говорит Выставка! Говорит Выставка! Л. ЛИХОДЕЕВ. Рисунки автора.

ПОЧТИ три тысячи километров стальной проволоки. На нее накинута стальная сетка, грохочущие фермы мостов, под которыми текут великие реки России.

Чистая голубая Ока с заплеснами пляжей, белым развлекательным парком и подновленным краской дебаркадером. Такая же чистая зеленая Кама с беспоконной флотилией мелких лодок и вытнутыми сигарами плотов. Маленькие буксиры, словно муравьи, напяля последние силы, влекут куда-то эти растянувшиеся километры древесины.

А задолго до Камы мимо промчалась Волга, усеянная отраженными звездами и золотыми дорожками огней казани. Волга была волнами о старинные стены города, разлившись в огромное искусственное море, подпертое далеко отсюда плотной Куйбышевской электростанцией. Вода окружена земляными дамбами, окована бетонными плитами.

В ПУТИ

«К-12», на трехкилометровой высоте — «Ильи» и «Ли-2», а над самыми высокими облаками, в вечном холоде и в вечной ясности, как стрелы, пронеслись «Ту-104».

И даже под землей по нефтепроводам безостановочно и оживает на восток животова как я кровь промышленности — нефть...

Дети любят смотреть на поезда.

О чем они воображают, когда мимо них с гулом проносятся вагоны, запыленные благодатной пылью далекой страны? Тихая постоженная зависть и позитивная мука гонят их на пути или к полноте дороги. Молча стоят они и завороченно смотрят на вагоны, на белые таблички, на желтые трепещущие занавески на окнах и машут, машут руками вслед счастливым, летящим куда-то мимо их тихих стоек.

Но все больше теперь по дорогам ребят нового склада — деловых и трогательно любознательных.

Мальчишки смотрят на тепловозы и норовят взобраться по крутой лесенке внутри корпуса, гудящего от избытка сдерживаемых сил, деловито и восхищенно окликают взглядом непрерывный ряд вагонов, растнувшийся до горизонта. Ребята наших дней чувствуют себя в мире техники, строек, возрастающих сил и скоростей, как в родной стихии.

Придет время, и Сибирь властно позовет их на свои просторы, как уже позвала

ЗДРАВСТВУЙ, ОМСК!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Е. СТРОГОВА

ЛИЦОМ К ИРТЫШУ

ПЕРВЫЕ тонны асфальта в этом городе уложили лет десять-одиннадцать назад. До этого было в городе километров восемь булыжника. А в остальном он мало чем отличался от старых сибирских деревень: осенняя грязь, темные деревянные домишки, ставни наглухо закрылись еще с вечера.

Город насквозь продували свирепые ветры из сибирских и казахстанских степей.

На ближайшем до революции Любинском проспекте купеческие и обывательские дома были нарочно окрашены в немаркий серый цвет: степная сибирская пыль все равно красила все на свой лад. Тротуары на главной улице возвышались на добрый аршин над вековыми сибирскими грядью.

Архитектор Евгений Александрович Степанов рассказывал нам:

— Я помню день, когда был еще совсем молод и шел к любимой девушке по улицам Омска, держа в руке розу, которую мне удалось достать с превеликим трудом. Сердце мое было, и я не очень способен был заметить, что делается вокруг. Но меня стали останавливать люди: им хотелось посмотреть на редкий цветок. Моей розе улыбались, к ней тянулись, о ней спрашивали.

Роза на улицах Омска! Старый Омск не знал зелени, кроме разве чахлах хлыстиков, произраставших на главной улице.

И вот произошло настоящее чудо на Иртыше: пыльный сибирский город пышно расцвел. Шумное зеленое море залило его от края до края.

В первый день приезда мы бродили по территории одного большого омского завода. По длинным тенистым аллеям вышли к огромному фонтану — метров двадцать в диаметре — и опять углубились в густые аллеи. А заводских корпусов так и не увидели за плотным массивом зелени.

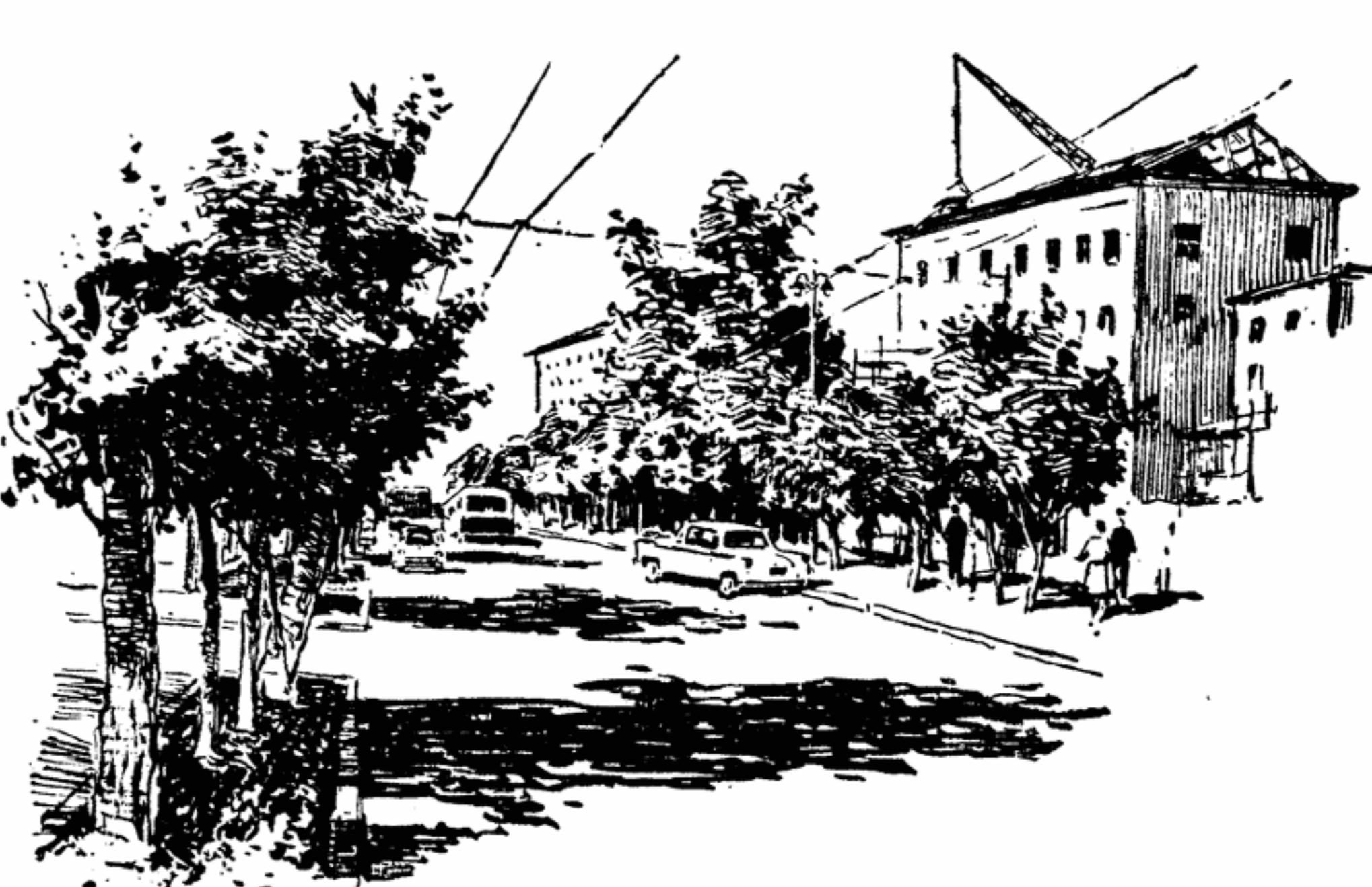
Омичи, влюбленные в свой обновленный город, с удовольствием рассказывают его историю. Секретарь горкома партии Александр Алексеевич Родионов и председатель горсовета Николай Арнадьевич Хелмицкий говорят об Омске вдохновенно.

Городской архитектор показывал нам Омск и рассказывал своим не столько о том, что есть, а о том, что будет, заставлял видеть облик города недалекого будущего. Он развлек перед нами необыкновенно интересную идею руководителей города — повернуть Омск лицом к Иртышу.

Мне приходилось бывать и в других старых сибирских городах. Как плохо, преступно обращались здесь с чудесными сибирскими реками!

Социалистический Омск, как и Новосибирск, получил в наследство от прошлого захлывающую реку, облеченную складами и старыми заводскими корпусами. И дома, повернутые к реке черным ходом.

Новый Омск мужественно пошел в бой против остатков старого, капиталистического города. Это оказалось длительной, тяжелой борьбой. В знаменитых мариупольских землянках, прозванных так по имени владельца пивного завода Мариупольского, котились и воры, и убийцы. Сюда безошибочно шел угрозыск, когда надо было разыскивать сбежавшего бандита. Сейчас все это сгнило до ниптя, и на этом месте высятся многоэтажные дома. А немного дальше, где были угольные склады, высятся плодородный чернозем и шумит пышный сквер с фонтаном. Вот здесь только что сломали грязную чайную-забегаловку, носившую громкое имя «Ривьера», здесь же при-

Омск — город зелени.

шлось ликвидировать старую свалку, принадлежавшую местной ТЭЦ.

Так постепенно появлялись и зеленели новые площади и скверы.

Это было бы трудно сделать, если бы за дело не взялась городская молодежь.

Поворот города лицом к Иртышу уже начался. Далеко видны свежие насыпи, будущие зеленые склоны набережной, которая протянется больше чем на двадцать километров. Она будет подкреплена железобетонной стеной. Прекрасные светлые дома, лицом к солнцу. Вот он — облик города недалекого будущего.

Омск за эту семилетку выстроит около трех миллионов квадратных метров жилой площади. Это почти равно имеющемуся сейчас жилищному фонду. Берег Иртыша — прекрасное место для роста нового города. К Иртышу протянутся и новые улицы поселка нефтеперерабатывающего завода — крупнейшего предприятия Омска. А в перспективе — новый город на другом берегу Иртыша.

Омск уже сейчас вправе считать себя одним из красивейших городов страны.

Омские архитекторы мечтают резко изменить планировку скверов и парков. Почему бы не приблизить их со-

стояние к естественному лесу? Долой строгую и скучную геометрию! Не нужно расчерченных по линейке дорожек и аллей. Пусть в парках будут разбросаны естественные кусты, солнечные лужайки и тенистые тропинки! Это очень хорошая идея, тем более, что предстоит создать еще много новых парков и на другой стороне Иртыша, а для нефтеперерабатывающего завода, и многокилометровую зеленую полосу вдоль реки.

Много выдумки, много нового видели мы в Омске. Но как жалко, что город отдал ту же дань, что и Новосибирск, чрезмерному увлечению кожными растениями. Нет, все-таки не на месте здесь, в сибирском городе, вынесенные на клумбы кадки с пальмами.

Мне кажется, каждый город должен искать свой особый облик, отличающий его от всех других городов. Пусть Крым ассоциируется у нас с кипарисами, Гагры и Сухуми — с пальмами, а у сибиряков — своя гордость: чудесное дерево лиственница, изысканная ель, сосна и могучий кедр. Города не должны быть нивелированы, похожи друг на друга.

Омичи говорят, что цветы агитируют за новое лучше, чем десятки лекторов. Когда первые кадры — красивые цветы удивительной красоты, прежде чем выданные в Сибири, — высадили около горсовета, их обворовали все до одного в первую же ночь. Ставили охрану. Устраивали комсомольские засады. Ничто не помогало.

Председатель горсовета приходил утром и в очтачный пересчитывал все цветы. Но можно было и не считать: цветы исчезали. Так было.

Зелень и цветы здесь выращивали и берегли не только для красоты — они жизненно здесь необходимы как защита от страшных пыльных бурь. И когда город опоясался зеленью, спрятавшись между деревьями, — ветры и пыль отступили. Город выздоровел. И омский патриотизм стал расти вместе с деревьями и цветами.

«Вторая природа» Сибири

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Размахом, которому равного нет, И темпами, самыми высшими в мире, Вы докажете, люди Сибири, Что в семилетке — ШЕСТЬ ЛЕТ!

бывающего завода. Малюцкие высказывает мысль, что лучше было бы отказать от этого строительства и расширить Омский завод — это дало бы значительную экономию...

Когда-то А. М. Горький поставил на пьедестал человеческого счастья труд — труд, который преобразует землю и творит, по словам Горького, является вторым «второй природы». Вот она — «вторая природа», утвердившаяся на бескрайних просторах сибирской земли. Она не только в дрожавшей волне зеленых насаждений, цветов и кустарников, которые хлынули на улицы сибирских городов и стали частью жизни людей, решивших красноту и радость жить.

«Вторая природа» встает перед нами огнем и железом — умная машина, завод, электростанция, все, что несет силу и могущество нашему народу. И вот нигде, как здесь, не осуществляется так зримый великий процесс творения «второй природы».

Об этом процессе невольно мы задумаемся сейчас, перед Пленумом ЦК партии. Комплексная механизация и автоматизация... За этими сухими словами здесь, в Сибири, видится новый расцвет жизни — жизни природы, — в том числе и «второй природы», жизни человека... Новый — красивый, возмущающий и вдохновляющий труд, творчество без границ, без препон.

Современная автоматизация и механизация — движущая сила нашей семилетки. И когда сейчас мы говорим о Сибири, мы говорим о красоте, украшенном «второй природой», созданной руками человека.

Эта природа не менее прекрасна, чем плодородные реки Сибири, горные хребты, ее тайга. И хозяин «второй природы» стоит на сибирской земле умный, талантливый, беспоконный, всматривающийся в будущее советский человек, воспитанный всей нашей жизнью, нашей партией.

С этим нельзя не согласиться. Действительно, почему отгон воды не производить там, за тысячами километров от могучего завода, у нефтяных скважин? Идет разговор о строительстве еще одного — Павлодарского нефтеперера-

Пусть так работает великий наш народ. Пускай таким огнем горят у всех сердца, Чтоб нашей семилетке каждый год Победным был с начала до конца.

Движение за цветущую Сибирь началось здесь десять лет назад. Все земляные работы и посадки делают сами горожане, они сажают миллионы цветов, сотни тысяч деревьев каждую весну.

Но весною и летом тут сухо. В июне этого года деревья стали задыхаться от засухи. И тогда поднялся весь народ: в городе был объявлен день поливки — каждую неделю, по средам. И все омичи, от мала до велика, ранним утром высыпали на улицы, чтобы вылить по пять ведер воды под каждое дерево. В среду от пяти до восьми утра в городе царит необычайное оживление. И малыши с крохотными лейками участвуют в общем деле.

Стоит ли говорить после всего этого, что больше никто не уничтожает цветов на улицах Омска, что никакие комсомольские засады уже давно не требуются!

Архитекторы Омска начали сейчас новый период — за разгораживание всяческих садовых оградов, чтобы каждый человек чувствовал себя ближе к зелени, чтобы он чувствовал, что это не чуждо там, отгороженные от него запрятанные цветы, а его собственные в такой же мере, как и всех омичей.

Но, конечно, не одна зелень — причина больших перемен в Омске. Например, здесь заасфальтировано уже около 280 километров улиц. Мы ходили по горячим еще полосам асфальта на набережной у впадения Оми в Иртыш.

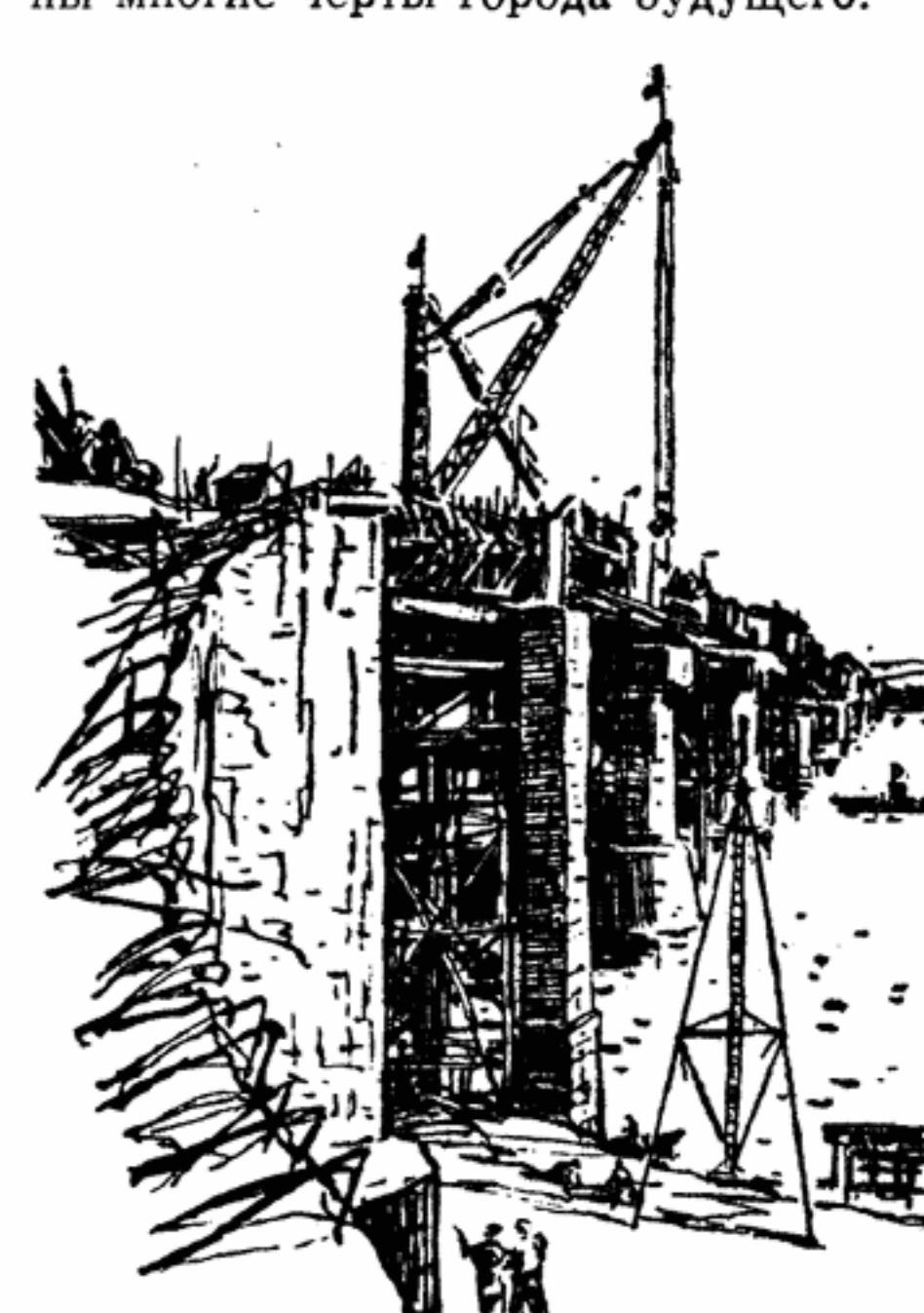
Многие улицы застроены многоэтажными домами. Омичи гордятся, что у них раньше, чем в Новосибирске, с которых они соревнуются, газифицировано несколько тысяч квартир, а в ближайшие три года будет газифицировано еще восемнадцать тысяч.

Сейчас выдвинул лозунг: за два года покончить со всеми трущобами, переселить всех граждан из подвалов и домишек.

Ранним утром в зеленые заводские дворы, за час-полтора до начала смены, приходят рабочие, чтобы подышать свежим воздухом, походить под цветущей сиренью, под яблонями, у фонтанов. Это — здоровье, это — продление жизни.

Недаром столько делегаций из разных городов ездят в Омск поучиться зеленому строительству.

Омск — город-сад. Здесь уже найдены многие черты города будущего.

Строится новый мост через Иртыш. Рисунки С. КУПРИЯНОВА

НА БЕРЕГУ

С тайгой степь соединяет, Возмучива и широка, Течет ты, рыжая, степная, Неподобная река.

Не огражая берег плоский, Ты только на небо глядишь, Пока сибирские бережки Не подбегут к тебе, Иртыш.

А Омск? Ты долго был в обиде На этот город. Жизнь текла, А он стоял, тебя не видя, В твои не глядя зеркала.

И ты, Иртыш, с немым укором, Не понимая ничего, Дивился свалкам и заборам Вдоль побережья твоего.

Но вдруг в предутреннем тумане Возникли пред тобой, река, — Деревья, окна новых зданий, Цветы и золото песков.

Впервые, радостно сверкая, Ты отражался город свой, Где встретилась мечта людская С твоей красотою вековой.

Эта природа не менее прекрасна, чем плодородные реки Сибири, горные хребты, ее тайга. И хозяин «второй природы» стоит на сибирской земле умный, талантливый, беспоконный, всматривающийся в будущее советский человек, воспитанный всей нашей жизнью, нашей партией.

Старший оператор Омского нефтеперерабатывающего завода Михаил Бутенко с семьей на берегу Иртыша.

В Омске строится завод синтетических материалов. НА СНИМКЕ: монтаж резервуаров бутана. Фото М. ТРАХМАНА

МЫ СТОИМ на высоте восьмидесяти метров, на легких железных мостах. Они сварены из тонких полос металла, они просвечивают насквозь. Там, внизу, от горизонта до горизонта под нами расстилается обозреваемая с головокружительной высоты пейзаж завода. Мы находимся на вершине каталитической колонны. В недрах ее при огромных давлениях и температурах осуществляется один из сложнейших процессов — процесс расщепления нефти.

Широко и привольно раскинулся перед нами Иртыш, подернутый дымок. Он оглаживает территорию Омского нефтеперерабатывающего завода. Почти вплотную один к одному поставлены белые и серебряные цилиндры складов готовой продукции. За строгими рядами дымчатых труб, за фантастическим переплетением железных ферм и конструкций — наклонные стеклянные крыши парников. Могучий завод как бы делится теплом с землей, круглый год прогретая овощи и ягоды.

У нас за спиной — железнодорожная станция, нефтяной город. Почти у горизонта — завод синтетических материалов.

Наш нефтеперерабатывающий — крупнейшее предприятие, — говорит директор Александр Моисеевич Малюцкин. — Для того чтобы жизнь существовала, по кровеносным сосудам должна идти кровь. Так и у нас. Встают, дышит, работает новая, индустриальная Сибирь. Ее кровеносные сосуды — нефтепроводы, идущие через сибирские просторы с запада от склонов Урала. По ним льется поток горячего, который сегодня так необхо-

дим промышленности Сибири, тракторам и механизмам целинных земель... Рядом с нами вспыхивают яркие звезды электросварки. Гигантский завод строится. Сварщики соединяют трубы и металлические фермы.

— У нас завод — это не только производственные корпуса, не только трубопроводы и вот такие железные колонны, на которых мы стоим, — говорит директор — Это поселок и городок строителей, это трамвайная линия, которая проведена сюда из Омска, это Дворец культуры, это теплицы для овощей, это пионерский лагерь, это спортивные площадки.

Малюцкин заканчивает с жаром: «Завод в Америке — место, где сколачивают деньги. А у нас? У нас — это жизнь людей, их школа, их будущее, и если хотите, их счастье и судьба».

НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЙ завод — ярчайший пример того, что может сделать современная техника, чтобы сделать человека свободным хозяином своего труда и жизни. Здесь мы видим сочетание сложнейших химических процессов, происходящих в гигантских масштабах, и современной автоматизированной техники управления этими процессами.

Когда находишься у пульта управления одной из сложных установок, невольно забываешь о том, какие гигантские химические реакции осуществляются где-то рядом с тобой. Перед глазами — квадратные и круглые стекла самопишущих приборов. Приборы не только фиксируют температуру и давление, — они управляют процессами.

Гатиятулла Юлдашев — оператор, работающий сегодня у пульта, — рассказывает: — За сегодняшние сутки мы должны переработать много тонн нефти. Вы

Курс в производстве правильно взят: Больше продукции! Меньше затрат!

ГЕРОЙ И ЭПОХА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Ему, например, хотелось бы изобразить в своей фотографии рынок и дать нам понятие о рынке. Но если бы в этот рынок в это мгновение опустился воздушный шар (это может когда-нибудь случиться), то г-н Успенский снял бы и это случайно и совершенно не относящееся к характеристике рынка явление. Если бы из-за рамки картины проглядывал в это мгновение кончик коровьего хвоста, он бы оставил и коровий хвост, решительно не забывая о его ненужности в картине».

К сожалению, любовь к подобным «коровьим хвостам» весьма еще распространена в литературе. И это совершенно в то время, когда в искусстве остро ощущается необходимость философского осмысления жизни. Как хорошо, что есть у нас драматургия, которая активно протестует такой фотографической «точностью». Я имею в виду прежде всего драматургию Леонида Леонова. Его творчество так зажигает сердца и так волнует умы именно потому, что он выступает как подлинный реалист, умеющий сочетать в искусстве поэзию и философию.

А какой глубокой философией проникнута трилогия о Ленине Николая Погодина!

Театр Маяковского много и дружно работает с Александром Штейном. Нас привлекает в нем прежде всего его стремление противопоставить плоскому натуралистическому фотографизму философский подход к жизни. Некоторые пожелания писателя: «Обстоятельства», «Время обороны», а в будущем «Малое сказание». А по-нашему, какие бы недостатки ни были в пьесе, главное в ней как раз то, что Штейн писал не только о фактах обороны Ленинграда, а раскрывал политическое и философское значение тех принципов нашей жизни, которые зовут к вере в человека, к торжеству справедливости, закаляют души. Можно спорить о том, насколько это удалось ему, — в искусстве вообще беспорочно мало, — но не видеть замысла драматурга — нельзя.

В нашу героическую эпоху особенно следует вспомнить слова Горького о том, что «Наше искусство должно встать выше действительности и возвысить человека над ней, не отрывая его от нее».

В этой связи мне хотелось бы от души сказать такому яркому драматургу, как Анатолий Софронов, несомненно мастеру диалога, художнику с острым взглядом на жизнь: вы любите, как и некоторые драматурги, жить. Хорошо, идите своим путем. Был любил и Островский. Но помните, что когда вы захотите, — а вы не можете не захотеть, — создать из своих богатых и подробных впечатлений о жизни большую эпическую драму, то, не отрываясь от земли, вы, несомненно, прибегнете уже и к романтике, к той поэтической условности, которая не покидала Островского тогда, когда он писал «Бесприданницу», образы Несчастливцева и Петра с Аскошей в «Лесе», Катерину в «Грозе» и многие другие. Важно, не изменяя любви к быту, через него подняться до мирового, общечеловеческого. А Софронов очень образно и верно назвал свою пьесу «Человек в отставке». Герой ее — бывший офицер. Отставка он ее, пьесу, «Офицер в отставке», пьеса сразу же получила бы слишком узкий, я бы сказал, «бытовой» угол зрения на жизнь. Но дело ведь не в одном названии.

Надо совместить быт и философские воззрения драматурга, быт и глубокую напряженную и страстную мысль о всей стране и о всем мире, быт и самый широкий взгляд на человека. И тогда вы, Анатолий Софронов, после «Человека в отставке», вы, Николай Вирта, после «Далей неоглядных», совершите закономерный шаг к драматургии иного, более широкого дыхания.

Что, на мой взгляд, мельчит и принижает образы, создаваемые иными драматургами?

Пушкин писал, как известно: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя».

У нас многие драматурги стремятся все сделать, чтобы персонажи их пьес обладали «истинной страстью» и «правдоподобием чувствований», но мало требовательны в выборе «предполагаемых обстоятельств». А какая может быть достигнута высокая «истина страстей», высокий накал их, когда авторы не занимаются тщательным отбором «типических обстоятельств», забывая о том, что является полярным характерным для нашей современности. Ведь мелкие, случайные для нашей действительности обстоятельства ведут к измечтанию самых «типических характеров», делают мелкой и «истинно страстей», и «правдоподобие чувствований».

Как, где найти «типические обстоятельства» для нашей современности? Там, где трутятся люди во имя выполнения величественной программы развернутого строительства коммунизма, намеченной XXI съездом КПСС. Там, где народ-исполнитель со сказочной быстротой создает новые города, заводы, фабрики. Там, где советской мужественной молодежью собираются урожаи на необжитых массивах...

Жанр монументальных героических драм должен внятно потребовать слова на сцене. Монументалистам особенно должен быть чужд «культ факта», они особенно нуждаются в широком обобщении и типизации. Пусть они смело прибегают к ярким и ослепительным краскам, о которых писал Беллинский, анализируя «Тараса Бульбу». Ну, не

прямой ли долг, не высокое ли наслаждение написать в таком «бульдоговском» масштабе, такой же размахистой жесткостью, с такой же щедростью чувств картины освоения целины, покoreния Ангары или изобразить десяток иных необыкновенных и грандиозных событий, в которых так горячо бьется пульс народной жизни!

Жизнь всегда считалась богаче любой фантазии художника, но теперь она стала настолько грандиозна, что может остаться далеко позади самую блестящую выдумку. Связь искусства с жизнью народа — это главное. Не будет этой связи — не будет у нас полноценной реалистической драматургии. Мы высоко оценили и глубоко попили все олимпийские значительные высказывания Никиты Сергеевича Хрущева о связи литературы и искусства с жизнью народа, призывы, чтобы художники слова писали, зная, о чем пишут, чтобы они писали правду, только правду.

Если бы иные драматурги знали, какую мучительную работу приходится часто прорабатывать актеру по спасению какой-либо ничего общего с жизнью не имеющей роли или пьесы, в которой по речевкам, искусно наложенными автором, спрятаны проштампованные сотни раз схемы «передового инженера и консервативного директора» или «спартога», излагающего вслух передовицы газет!

«...Если бы зритель, — писал один из могучих режиссеров и актеров русской сцены А. П. Ленский, — в продолжение двух-трех часов пережил половину тех мук, какие испытывает актер на репетициях и в тиши своего кабинета, когда с бессильной злобой в душе он разбирается в дебрях этой беспроектной лжи и подыскивает для нее правдивые звуки и мямлю...»

Драматурги могут тут же представлять в свою очередь счет актерам, не справившимся со многими ролями в современных пьесах, но надо серьезно подумать о мучках тех актеров, которые прекрасно играют в «Грозе» и «Гамлете» и давно уже жгут живых полнокровных образов героев наших дней.

Что прежде всего мешает актерам в слабых пьесах? Две вещи. Незнание драматургии жизни и незнание творческих принципов, являющихся самыми высокими достижениями в искусстве актера, — я говорю о системе К. С. Станиславского. Особенно пагубно первое: нежизненность, надуманность, перестановка образов во многих пьесах. Если среди драматургов не окрепнет, не разрастется движение за связь искусства с жизнью народа, за развитие тех традиций, которые всегда приобщали русскую литературу и русскую драматургию к народной жизни, — древо искусства не будет расти и цвести.

Островский писал: «Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, любовь дает только энергию, чувство, а содержание не дает, надобно еще знать хорошо свой народ: сойтись с ним покорооче, сродниться».

Холодное, головное знание превращает художника в того юрисконсультанта, который сочинил «Доклад в пользу бога». В искусство немало таких докладчиков-юрисконсультантов: докладывают текст, докладывают роль, докладывают постановку. Есть драматурги, которые думают, что пишут пьесу, а на самом деле сочиняют доклад в пользу новых квартир или в пользу еще чего-нибудь...

Правда, истина прежде всего. Объявим борьбу с ситением в кабинетах, у теплых каминов, объявим войну «блуждающим из слововой кости», которые нынче создают из простого дачного теса. Отправляем туда, где идет сейчас грандиозное строительство новой жизни.

Как важен для нас, художников, совет Никиты Сергеевича изучать жизнь не с черного хода, не с «кошки зрения», а видеть основное, главное в ней!

Только глубокое понимание исторического смысла явлений, отбираемых художником в жизни, может быть залогом полноценности его реализма.

Самое страшное для художника — быть объективистом. Объективизму (и вытекающему из него натурализму), субъективизму (и вытекающему из него формализму) мы должны противопоставить ясные, точные позиции марксизма-ленинизма. Не «контрастировать», а оценивать явления — без этого нельзя быть партийным в искусстве.

У кого-нибудь из моих читателей может возникнуть недоуменный вопрос: почему я, режиссер, говорю только о драматургии. Да, в театре, бесспорно, много своих недостатков. Но сегодня больше всего тревожат и волнуют всех нас, работников театра, судьбы современной драматургии.

Театр задерживает свой ход, театр не выполняет свои святые обязанности перед народом, потому что в первую очередь — и это главное! — не выполняет своих святых обязательств перед народом драматургии. Так остро стоит вопрос. Без всяких скидок. Пьесы пишут многие. Пьес много. Но среди них мало пьес о «самом главном», об истинных героях нашего времени. И мало в них художественного мастерства, глубины, сложности.

Со всей убежденностью в огромных потенциальных возможностях драматургии и драматургов мы, театральные деятели, желаем писателям новых замечательных произведений. Пусть, познавательно с вашими пьесами, каждый человек на нашей земле увидит в вас умного и честного друга, учителя.

В Москве с большим успехом выступает итальянский певец Марио дель Монико. На снимке (слева): Марио дель Монико среди артистов Большого театра. Фото Н. РАХМАНОВА

Новые стихи

Владимир ЛИФШИЦ
У ЛАНОВА —
ДЖУЛЬЕТТА

Язык искусства внятен и могуч.
Призыв трубы — плач виолончели,
И девушка, похожая на луну,
Слетает к нам с картины Боттичелли.
Под небом нестерпимой синевы
Пред ней открыты стройные ворота,
Где дремлет геральдические львы
И тускла мерцает позолота.

Сейчас начнется горестный рассказ.
У Капулетти в колоколу ударят...
Как мир велик! Как много жужжит
глаз!

Как счастлив тот, кто счастье людским
дарит!..
Звенят клинки. Они уже в крови.
Отныне враждуют. Страстно любят дети.
И русская Джульетта по планете
Летит сегодня вестницей любви.

Ашот ГРАЩИ
КАМЕНОТЕСАМ
АРМЕНИИ

Вы, каменички, заняты работой,
Весь день не разгибаете спины.
Охвачены весь день одной заботой —
И, кажется, вы камнем рождены.
Вы, каменички, заняты работой,
Попробуй камень в знамя развернуть!
Вы — скалы, вы еще не то смогли бы,
И ваша грудь — точь-в-точь утеса

И ваши мышцы — каменные глыбы.
Смогли вы камень в знамя развернуть!
Армении родной каменички!
Во взорах ваших гордых что-то есть
От соколов, сидящих на утесах.
На плечи к вам орлы смогли бы сесть,
Армении родной каменички!

От пыли лица смуглые бели.
Вас хлещут ветры в бешеном веселье.
И ваши кудри — жесткий мох скалы.
На ваших баках морщины, как утесья,
От пыли лица смуглые бели.

Стук молотков. А в мудром стуке том
Звучат напевы музыки крылатой.
Вы строите, и каждый новый дом —
Не новый дом, а новая соната.
Стук молотков. Искусство в стуке том.
Колонны, стены — все полно значенья.
Вглядясь — ты очарован будешь всем.
Здесь соткано лучами вдохновенья
Немало дивных сказок и поэм.
Здесь все полно великого значенья.

Армянские поэмы — города!
Здесь каждый камень — гениальной
строчкой,
Здесь торжество священного труда,
Здесь капли пота на камнях, как точки.
Чудесные поэмы — города.

И приложу я все свое старанье,
Объясняя каждый новый стих.
Пусть взлетит эпоха выше зданий
На крыльях песен радостных моих —
Тому порукой все мои старания.

Перевел с армянского
Владимир САВЕЛЬЕВ

Юбилей поэта-переводчика

Общественность Туркменской ССР отметила 60-летие со дня рождения поэта Георгия Николаевича Веселкова, перу которого принадлежит многочисленные переводы произведений классической поэзии, фольклора, творчества современных поэтов и народных шакирвов. Книги переводов Г. Веселкова входили в издательствах Москвы и Ашхабада.

В адрес юбиляра поступили приветствия от Союза писателей СССР, правления республиканской писательской организации, литераторов Москвы и братских республик. Верховный Совет Туркменской ССР направил Г. Н. Веселкова Почетной грамотой.

За лучшие произведения литературы и искусства

Совет Министров Дагестана и бюро обкома партии установили ежегодные премии за лучшие произведения в области литературы и искусства. За 1958 год присуждены премии: имени Сулеймана Стальского народному поэту Дагестана Р. Гамзатову за поэму «Горянка», имени Эфенди Капиева — литературоведу А. Агееву за монографию «Сулейман Стальский» и критико-библиографические очерки. Премии присуждены также главному режиссеру куйбынского музыкально-драматического театра Г. Рустамову, композитору Н. Дагирову и другим.

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ И ЭПИГРАММЫ

Евгению ПОПОВКИНУ
План не завершен, увы,
Еще реконструируешь
«Москву».

Михаилу ДУДИНУ
О том, что Днепр бывает
чужден.
Мы помним Гоголя слова.
Но, как свидетельствует
Дудин,
Бывает чудной и Нева.

Рисунки И. Игина,
Н. Лисогорского.
Текст Евг. Ильина

ЛЕТОМ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

ИДЕТ понос, и воздух сладок. На полянах в парках, в лесу, где только можно размахнуться косарю, стоят стога.

Прошел Большой поляной, от Развилки прямо дорогой на Воронку. За мостом выбрал в кустах бережок покрепче и умылся.

Возвращаясь, поднялся к лесному колочу, из которого иногда брал воду приезжавший сюда с бочкой Лев Толстой. Прошел лесом вверх и потом — пашиной вдоль опушки.

Художник сидит с этюдником, пишет Сямью. Я спросил — не помешаю ли, и сел. Он продолжал писать. Еще ранний час, очень тихо. Вдали изредка — иволга, но уже коротко, понемногу. Мы поговорили тоже, как некогда, не спеша, о самом простом, невозможном. Живет он с другими художниками в Груманте, в «Казарме» (сторожке лесника), месте историческом для этого селения: там была устроена засада на отступающих из Ясной поляны. Фамилия художника Романов, он служит в Тульском областном книгоиздательстве.

Елочками пошел домой. На полпути вдруг почти из-под ног: фр-рр! — терка, быстро скрывшаяся за стволами. И опять тихо.

В ранний утренний час ходил на могилу. Ни души. И в этом одиночестве — внутренне открытая, ничем не стесненная благодарностью за все, что он дал всем и мне, как крохе этих «всех». Растроганное чувство, близкое молитве, но совершенно свободное от какой-нибудь формы общепринятого. Может быть, высшая сосредоточенность.

Прогулка по узкой, тенистой тропе, обнимающей Чепыж вдоль Красного сада. Каждое утро, иногда и днем. Тут лучшие дубы, и у некоторых стоишь, не можешь уйти, оторваться. Есть многосотлетние.

Такие стояния всегда щедро дарят раздумьем о его романах и — да простит мне грех — о своем (эпизод о подругах, давно написанный, проверяется и обещает стать краше, нежнее, дороже для сердца самих героинь).

Иду затем пашиной. На границе Чепыжа с Елочками сижу под ветлой — четырех, нет, пятистольной — на опушке. Глажу на хлеба.

Раз подходят две девочки, подростки:
— Можно вас снять?
— Зачем?
— Мы... мы, извините, вас узнали.
Очень смущены. В стороне — незаметно подошедший вывозок таких же девочек и парнишек. Знакомимся. Они окружают меня.

— Кто вы такие?
— Экскурсия туристов.
— Из Рязани. Школьники.
— Что же, так и пришли из Рязани?
— Нет, до Тулы мы доехали, переочевали, а сюда пешком.
Говорит очень славная, миловидная, с тонким детским румянцем девочка, усевшаяся рядом со мной.

— Каким же вы классом?
— Деятого и десятого.
— Ну, а вот вы какого?
— Я? Я — педагог.

Чуть не подсыпая. Все улыбаются, но почитительно и с любовью смотрят на своего «педагога», которая ничуть не терпится под моим ошарашенным взглядом, а только показывает прекрасные зубки.

— Что же вы преподаете?
— Литературу.
...Ну, все как-то сразу озаряется ясным смыслом: рязанские «туристы», собранные в каникулы вдохновенной учительницей с годовым стажем; неизбежная складчина, костры на берегах речек, каша, похлебка, чай с черным хлебом; и поход к самому Льву Толстому; и разнотипные рты и глаза перед дубом в Чепыже, где когда-то гроза застигла Софью Андреевну; и этот дуб, пережатый потом в сцену грозы — в «Анну Каренину»; и трагическое повторение этой сцены тут, в лесу, устами девочки-учительницы, уже рассказавшей о грозе раньше, на уроке литературы... И вот, конечно, кто первый меня, «извините», узнал!

Мы слялись вместе и расстались друзьями. Дети пошли к Скамеевке, а я к себе, счастливым, кто живу с такими детьми, в такой России, сам такой русский.

Иду опушкой. По дороге навстречу — грузовик, на нем — веселые бабы с песней. Стоят в обнимку, приплясывают, приседают, когда по головам их шелкают и хлещут листовой низью висящие ветви берез, дубов, лип. Хлопают не в ладоши, отвечая тем же, они трепе подхватывают песню, хохочут. Мне очень радостно.

Возят сено.
Раз возвращаюсь в Воронку, сажусь на пригорке у самого края лесного клина — отдохнуть. Ползет грузовик с колхозниками. Остаиваются. Женщины, девушки обсыпают на землю грабли.
— Отдохнем, бабоньки!
Поднимаются в теня, садятся и ложатся на лугу. Кто-то достает завтрак, кто-то, утнувши лицо в согнутые руки, дремлет. Половина десятого утра.

ИЗ ЗАПИСОК
На протяжении последних двадцати лет мне посчастливилось бывать много раз в Ясной Поляне. Я не мог предвидеть, что наступит время, когда счастливая участь будет тлеть меня к себе не только как памятник русской истории, охватившей мир Львом Толстым. И вот мне хочется в своем новом романе рассказать о Ясной, о том, как она была в первый год Великой Отечественной войны. То о чем говорится в этих моих записках 1957 года, вовсе не должно войти в роман. Ибо без таких записок я не мог бы писать роман.

ра. Солнце уже сильно палит. Я сижу с полчаска, потом ухожу; оглядываюсь с поворота дороги, — бабоньки сидят на прежнем месте.

Удивительно хорошо по краскам был спор о границах Калинин (в «Анне Карениной» — Калининский) в «Казарме» 24 июля 1957 года... Мне казалось, я слышу голоса дореформенного 1857 года — голоса спорщиков о земляных лугах, о межах по речной пойме, об овраках, ручьях, мысках, старинах, кочках, елках, рощицах. Ведь это сто лет назад призывали тжебинские стариков, дабы свидетельствованием своим показали, от каких пеньков починали деды закипать пойму, сколько косарей выходило на косовицу, много ли дён требовалось на выкос всего луга. И сто лет назад звенели голоса, страсти пламенили и размахивали руками энтузиасты, указывая на бурю, излучники, складочки местности, и помалкивали в бороде, посмеивались скептики, направляя в ноздрю свежую поношку табакку.

И вот все спустя, на сороковом году революции, тоже пылает арий спор о дедовских границах славного, знатного по величайшей русской литературе Калинин луга.

Но что же идет за тяжба? Кто же так воодушевляется и овеивает мановением рук благодушно-прекрасный дол? Кто задумчиво улыбается? Кто зовут в свидетели далекого былого? Не тягостны ли несправимые сутяжники в споре за доходы от покосов? Не раздоры ли соседней забавушели на ирригационных бережках речушка Кочака с рекою Воронкой?

Нет. За доходы никто не тягастся, о раздорах некому помышлять.
Спор идет об установлении истинной картины уже давнего прошлого, которое живет и должно вечно жить в неумирающем памятнике наследия Льва Толстого, — спор немало не юридический, спор историко-литературный, спор научный, спор — можно сказать — художественный.

Внуки и правнуки наши, придя по живую воду толстовского гения в Ясную Поляну через сто лет, спросят, как спрашиваем мы? — А где же находится Калинин луг? — И они должны получить ответ: — А вот от той излучины Воронки до того мыска Кочака поныне Толстовских елок и простирается глумливый Калинин луг.

В споре же этом, действительно страстным и увлекательнейшим, участвовали не корыстолюбцы, а люди чистого бытия, может, бесребренного на Руси племени — музейные труженики, работники советского просветительства, а равно их почитатели. Вот их перечислю: Николай Павлович Пузин, Сергей Сергеевич Толстой, Валентин Федорович Булгаков, Александр Иванович Попович с супругой Александрой Ивановой, подошедший прохаживать ветеринарный фельдшер Тихон Лазаревич Егоров и аз грешный, заменивший нюхательный табак истории курительным современности.

Но после спора о Калининском луге, когда возвращались, возник другой спор, и он примечателен в том отношении, что показывает, как быстро уже тучиваются из памяти свидетели даже глубоко пережитые или события. Булгаков стал вспоминать, как несли гроб Толстого из дома к месту погребения. Он сам был в числе несших и говорит, что шествие из дома направлялось через сад прямо к Развилке. Сергей Сергеевич Толстой, ссылаясь на рассказ своего отца, Сергея Львовича, тоже провозгласил гроб к могиле, стал уверять, что — действительно — несли садом, а потом Чепыжом, но вышли на дорогу, обходящую Чепыж, и по ней пошли к Развилке. Булгаков оспаривал это утверждение: он ведь сам нес гроб на своем плече, помнит, как обходили встречные деревья и чуть ли не самые эти деревья, к тому же прямой, кратчайший путь к Развилке избрали потому, чтобы скорее, засветло добйти до могилы, и что уже наступали сумерки, — прощание с телом в доме очень задержалось. Но Сергей Сергеевич не хотел уступать: ему ведь точно говорил о похоронах и показывал, как несли гроб к могиле шествие, отец! Тут в спор вступил еще студент. А рядом стояло большое старое дерево, на котором (кажется — Пузина) основанное на точном, не раз проверенном в Ясной Поляне предании, что гроб несли к Развилке по дороге, идущей мимо риги (от Дома Волконского), и значит — видимо — минуя сад, прямой тропой, выходящей на эту дорогу. Мнение это было отвергнуто вовсе, но две первые версии остались непримиримыми...

Заняты были и еще один спор, правда, не столь упорный: какие деревья у могилы исчезли после похорон, — как ним был вид окружения могилы, когда народ слушал, как раздается в лесу стук падающих на гроб Толстого комьев земли. На это вот дерево в два столба, вилку его, забрался тогда молодой лод, может быть — студент (студентов много было в похоронках). А рядом стояло большое старое дерево, на котором (кажется — Пузина) основанное на точном, не раз проверенном в Ясной Поляне предании, что гроб несли к Развилке по дороге, идущей мимо риги (от Дома Волконского), и значит — видимо — минуя сад, прямой тропой, выходящей на эту дорогу. Мнение это было отвергнуто вовсе, но две первые версии остались непримиримыми...

Вспомнил, что в Ясной Поляне, в нескольких шагах от могилы Толстого зарыл его конь Дедир. Место урочное с поверхностью земли, — его не заметишь, если не укажут. Так и должно быть.

Конь перед старости он был совсем плох, последние годы его подвешивали в конюшне на лямках. А что за красавцем был он под своим неповторимым в мире седлом! Вспомнил только, как пахистину с толстовской силой пера...
Как-то я сидел у могилы, когда к ней привели маленьких детей. Они танцуют цепочкой, держа — парами — друг друга за руки. Галчата, превосходно воспитанные, приветливые, — это были питомцы детского сада шахтерского Шенниа. Воспитательница стала им что-то рассказывать, том, что тут похоронен. Думаю, материя была не по молочным зубкам, и детки смотрели по сторонам и больше всего — по верхушкам деревьев. Я разговаривал пер этим со сторожем, охраняющим могилу, — яснополянский крестьянин-инвалидом (забыл его имя), довольно понасторившим на роли старожилки, помнящей «самого» Льва Николаевича, который некогда прирезал землицы к бедному наделу его родителей и тем вынул целую семью. Когда дети явились, сторож сказал, что «надо присмотреть», и пошел поближе к могиле. Воспитательница торопилась кончить свою балаганныю речь и едва только добралась до последней точки, как сторож сказал какое-то слово, и на это слово, точно на выстрел хлопнули, малыши обернулись к нему все до одной, вальсачески, и к нему пошел, и за ним кинулись неуверенной стайей ребятишки и остановились, как только остановился он, и замерли, и стали глядеть широкими глазами, не моргая, вниз, на тот кружок земли, на который смотрел и сторож, что-то очень тихо говоря. И тогда, когда он уже перестал говорить, дети все еще не двинулись, а, наклонив головы, продолжали молча, измученно глядеть в землю: сторож подвел их к месту, на котором зарыл Дедир...

Робота ушли чрезвычайно довольные, а сторож, подсаживаясь опять на мне, сказал, довольный не меньше детей: — Им бы не про чего больше, только про лошадку... Уж я знаю!..

Возвращаясь домой, встретил Марию Павловну Прилежайку. С мужем, сыном и подругой она ехала из Симферополя в Москву. Все измучилась, метали о чечеве. Я познакомил ее с Мелюхиным, и он предложил путешественникам остановиться в Кучерской избе: памятник этого (о последней ноце Льва Толстого в Ясной) теперь — «база туристов». Вечером Мария Павловна была у меня, — мы толковали о Москве с ее страстями литературной нашей матери. Но о чем им пришла бы речь, Мария Павловна все сводила к не покидаемому ее восторгу: — Подумать только, — нас ждет ночлег в той самой Кучерской избе!..

Хотел выкупаться в Среднем пруду, но вода сильно затянута рыской. Ступени в купальне настолько круто поставлены в воду, что потребовалась вся моя хитрость, при отсутствии акробатичности, чтобы умыться и помыть руки.

Купальня сохраняет вид, какой имела при Толстых: обнесенный оградой плетень, навитый на колья, упрямые между четырьмя столбами, к которым подвешена сама решетчатая купель.

Рядом с купальней прежде находилась «мойка», с мостков которой бросилась в пруд Софья Андреевна, пытавшаяся покончить с собой после события 1910 года.

Ходил по Климан — единственному в Ясной регулярному парку. Яблони, насаженные в самих «климах», т. е. внутри прямоугольника из липовых аллей, плохо растут из-за недостатка света, но их продолжают подсаживать, стараясь поддержать Климан в том виде, какой они имели еще при Волконских. Старые, вытнувшиеся и частые столбы лип в аллеях похожи на колоннады. Здесь тихо, слышно, как перепархивают певчие птицы, сейчас уже не подающие голосов.

Поездка в Кочаны. Поездок, выросший тут, носит вполне современный облик индустриального создания. Почти вплотную к огромному газовому заводу примыкают улицы старого поселения из небольших рабочих домиков, а вдали вырос целый город новых многоэтажных зданий жилых корпусов, куда протянулась асфальтовая дорожка. Каким образом случилось, что первый поселок явился с территории завода и население круглые сутки дышит газовыми отходами — непонятно. Газовые дымки труб доходят до Ясной Поляны, и дымница не раз принималась хлопотать о переводе завода в другое место, потому что ядовитый дым угрожает, в конце концов, всему зеленому миру заповедника. А тут люди глотают аз дием и ночью. Конечно, перевод завода на другое место — совершение иллюзия. Хорошо, что новый поселок строится теперь вдали от завода.

Совсем близко к заводу оказалась и Кочановская церковь с толстовским некрополем. Вид ее очень привлекает жалкими, окружающими ее старинными крестными стенами с грустными башенками XVII века.

В июле я долго не мог отойти от могил Ванечки и Алешки, уже в наше время переданных сюда из Подмошья. Ванечка, наверно, был последней общей любовью Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых, — после него уж никто их так нежно и сильно не мог связать. И еще две могилы долго меня останавливали: под общей оградой, под одинаковыми белыми крестами лежат обе сестры — Софья и Татьяна Андреевны. Сколько ревности к своей Танечке отдала Софья Андреевна, сколько обид натерпелась от нее в последние годы в Ясной Поляне и сколько обид сама нанесла ей, нетерпимой выслушивая уже старческие гордые воспоминания... Наташи Ростовы. Время отшло им места рядом...

По Кочанам водил меня Николай Павлович Пузин, трудом которого обзавел некрополь хорошим порядком и самым собранием захоронений из разных (Окончание на 4-й стр.)

что вспомнить. Значит, есть и о чем поспорить.

В нескольких шагах от могилы Толстого зарыл его конь Дедир. Место урочное с поверхностью земли, — его не заметишь, если не укажут. Так и должно быть.

Конь перед старости он был совсем плох, последние годы его подвешивали в конюшне на лямках. А что за красавцем был он под своим неповторимым в мире седлом! Вспомнил только, как пахистину с толстовской силой пера...
Как-то я сидел у могилы, когда к ней привели маленьких детей. Они танцуют цепочкой, держа — парами — друг друга за руки. Галчата, превосходно воспитанные, приветливые, — это были питомцы детского сада шахтерского Шенниа. Воспитательница стала им что-то рассказывать, том, что тут похоронен. Думаю, материя была не по молочным зубкам, и детки смотрели по сторонам и больше всего — по верхушкам деревьев. Я разговаривал пер этим со сторожем, охраняющим могилу, — яснополянский крестьянин-инвалидом (забыл его имя), довольно понасторившим на роли старожилки, помнящей «самого» Льва Николаевича, который некогда прирезал землицы к бедному наделу его родителей и тем вынул целую семью. Когда дети явились, сторож сказал, что «надо присмотреть», и пошел поближе к могиле. Воспитательница торопилась кончить свою балаганныю речь и едва только добралась до последней точки, как сторож сказал какое-то слово, и на это слово, точно на выстрел хлопнули, малыши обернулись к нему все до одной, вальсачески, и к нему пошел, и за ним кинулись неуверенной стайей ребятишки и остановились, как только остановился он, и замерли, и стали глядеть широкими глазами, не моргая, вниз, на тот кружок земли, на который смотрел и сторож, что-то очень тихо говоря. И тогда, когда он уже перестал говорить, дети все еще не двинулись, а, наклонив головы, продолжали молча, измученно глядеть в землю: сторож подвел их к месту, на котором зарыл Дедир...

Робота ушли чрезвычайно довольные, а сторож, подсаживаясь опять на мне, сказал, довольный не меньше детей: — Им бы не про чего больше, только про лошадку... Уж я знаю!..

Первые два фотоснимка, из помещаемых нами сегодня, были найдены на одном из убитых гитлеровских корреспондентов. Июнь 1941 года. Берег Сана. Гитлеровские молодчики ведут

прямой наводкой огонь по мирным домам Перемышля. Город в огне. Так начиналась война... И так она кончалась... На снимке, сделанном в 1944 году, мы видим колонну гитлеровских военнопленных.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В ЗАЩИТУ ПРОМЕТЕЯ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВЕСТИ ИЗ ГАМБУРГА

ИНТЕРЕСНОЕ послание получено нами из Федеративной Республики Германии. Редакция журнала «Дер штерн», выходящего в Гамбурге, прислала в «Литературную газету» новую книгу — сочинение Вильяма С. Шламма «Пределы чуда».

Книга сенсационна. На Западе давно уже не вышло издания, в котором бы так откровенно, так чинично излагалась философия современного антикоммунизма.

Но любезность редакции «Дер штерн» заключается не только в том, что она по собственной инициативе прислала нам эту книгу. Гамбургские редакторы предлагают «Литературной газете» высказать о произведении Шламма свое суждение и обещают опубликовать его на страницах журнала. «Я думаю», — пишет главный редактор «Дер штерн» г-н Генри Наннен, — что для политического разговора между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии было бы чрезвычайно интересно, если бы советский публицист имел возможность изложить советскую точку зрения о содержании этой книги перед двенадцатью миллионами немецких читателей».

Смелость и решимость г-на Наннана не могут не радовать. Журнал «Дер штерн» обычно придерживается взглядов, прямо противоположных взглядам авторов «Литературной газеты». Тем привлекательнее намерение журнала опубликовать наше мнение.

СОВПАДЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ

Когда читаешь книгу Шламма, невольно вспоминается «евангелие» фашизма — «Майн кампф» Гитлера. Сочинение Вильяма С. Шламма «Пределы чуда» претендует сыграть такую же роль в организации и идеологической подготовке новой войны, какую сыграла «Майн кампф» в разращении немецкой молодежи, в мобилизации ее к походу за мировое господство Германии. Это — новое «евангелие» агрессивной войны, «евангелие от Шламма».

Есть сходство, есть и отличие. Так же, как Шинльгрубер (Гитлер), Вильям Шламма — «явстриец по рождению», о чем он сообщает в предисловии к книге. Однако его отношение к немцам скорее отрицательное, чем восторженное. Они, по словам Шламма, «по природе неотесанные и отголоски наследственных грехов». Осуждает он и мешанины настроения, господствующие сейчас в ФРГ. Но как «американец по вольному выбору», Шламма хочет использовать немцев в качестве главной ударной силы в войне против коммунизма, «ядро» которого — русские «случайно оказались» чрезвычайно привлекательным народом».

В отличие от нацистов, Шламма преклоняется перед Америкой. Но Соединенные Штаты, по его мнению, недооценивают Западную Германию, не понимают, что только американско-германский союз «спасет» Запад от неминуемой гибели. Шламма всячески подчеркивает, что Федеративная Республика Германии и особенно ее канцлер Конрад Аденауэр навсегда отключил от нацистской скверны, и потому «вся Западная Европа» готова теперь принять германское руководство и вверить ему свою судьбу.

Книжка Шламма полна парадоксов, противоречий, нелепостей. Практическая его программа, конечно, не похожа на программу Гитлера. Времена

другие. Силленки не те. Но в основном это та же программа массовой уничтожения людей, плановой мировой катастрофы, первой жертвой которой неминуемо стали бы народ и земля Германии.

ВОЙНА — И КАК МОЖНО СКОРЕЕ

Вот эта программа. Сосуществование с коммунизмом немислимо, ибо это — «сосуществование с сатаной».

Самая большая опасность для Запада — мир. «Страстное стремление к миру», — говорит Шламма, — увлекает Запад к гибели. Мир очень хорош для коммунизма, но губелен для капитализма. «Коммунизм расцветает на ниве мира, хочет мира и в его условиях торжествует».

Основная идея книги Шламма примитивна, как штык: надо воевать, иначе пропадем!

«Запад, если он хочет остаться в живых, должен решиться вести войну, и решимость эта должна стать явной».

Атомная и водородная бомбы — это сила Запада, это его последняя надежда — от них ни в коем случае отказываться нельзя. Шламма осуждает ученых, высказывающихся за запрещение ядерного оружия. Они напрасно перепугали людей: вреда от атомных испытаний «не больше», чем от автомобильных катастроф. По отношению к тем людям в Западной Германии, которые выступают против атомной смерти, Шламма испытывает лишь презрение. «Как только Запад откажется от ядерного оружия, он откажется от самого себя».

Атомная смерть миллионов людей? Ну, что ж! — говорит Шламма. Ведь со злом (а «зло» — коммунизм) неизбежно приходится бороться злом же. «Почему же нельзя пожертвовать человеческими жизнями в борьбе с коммунизмом?» Иронизируя над противниками новой войны, Шламма спрашивает: почему «не аморально» было одержать победу над нацизмом в войне, во время которой было убито 50 миллионов человек и искалечено 100 миллионов, и почему «аморально» одержать победу над коммунизмом ценой несколько большего числа убитых и искалеченных? К сожалению, автор не уточняет предлагаемые им новые цифры.

Подготовив таким образом «логическое обоснование» уничтожения значительной части человечества, автор «Пределов чуда» чувствует себя уже свободнее. Военные учения и маневры НАТО и вооруженных сил Западной Германии, проводимые из расчета на войну с Советским Союзом, по Шламма, «имеют смысл лишь в том случае, если в основе их — наступательная концепция».

Федеративная Республика Германии, по мнению Шламма, богом и историей призвана играть в этом деле первую роль. Да, да, именно «первую», а не вторую после Америки: «Германия (имеется в виду ФРГ) бесспорно — единственный союзник США, способный благодаря своей силе и географическому положению называть США своей политикой, не всегда идя у нее на поводу».

Если говорить о прошлом, то «непреступным преступлением Адольфа Гитлера было то, что он не дал возможности цивилизованному Западу гласности на руководящую роль Германии».

Жестоко достается от Шламма всякого рода «пацифистам», в число кото-

рых включены и бывшие государственные секретари США Бирнс и Ачесон, и президент Эйзенхауэр, и дипломат Кеннан, и журналист Липшман. Недостаточно настойчив и обожаемый Аденауэр: он спасовал перед Эйзенхауэром и «дал согласие» на то, чтобы Соединенные Штаты вели переговоры с Советским Союзом. США теперь должны «сделать последнюю попытку спасти Запад», а Западная Германия должна, наконец, «осознать свою историческую миссию» — уничтожить коммунизма.

Для этого надо наступать, а не отступать. Надо официально объявить германскими, принадлежащими ФРГ все земли, «украденные» Польшей, Советским Союзом, ГДР, Чехословакией. Надо «идти на риск настоящей войны». Далеко ли идти? Далеко: Германия должна стать «воротами», которые «открыли бы Европе дорогу к многострадальным землям советской империи».

Таков лейтмотив. Без конца издается Шламма над «мирными» заверениями политиков Запада: их спасение — в готовности воевать.

МЕЩАНИН ПРОТИВ ПРОМЕТЕЯ

Книжка Шламма не бесполозна. Ее стоит рекомендовать немецким читателям: они увидят, что крестовый поход против коммунизма сулит Германии и германскому народу полное уничтожение. Ради чего?

Вот здесь-то и находится «ахиллесова пята» новоявленного пророка войны и человекоубийства. Преследуя одну цель — «пробудить Запад» от спячки, «бессилия», «апатии», пацифизма, он в изобилии применяет такие характеристики, такие уничтожающие оценки по адресу Америки, западногерманского буржуазства, союзников США и ФРГ по агрессивным блокам, что не остается в его книге и «идеала», ради которого надо воевать. Все гнило! Даже христианская церковь, религия оказалась виновницей в попустительстве идеям мира — их осуждению посвящена специальная глава «Зло от смиренного».

Что же, в конце концов, хорошо, что заслуживает уважения? Делая непрерывные выпады против коммунизма, Шламма в то же время не может скрыть своей зависти к этому могучему созидательному движению, которому принадлежит будущее.

Коммунизм неизменно побеждает в течение последних сорока одного года, пишет Шламма, «ибо Запад никогда не понимал его сущности». А Шламма, начиная с 1917 года, пристально изучает коммунизм. Он знает, что это такое.

«Коммунизм пришел в наш мир», — говорит Шламма, — как конечный результат синтеза всех еретических тенденций, подчас вышедших в течение многих веков основы нашей цивилизации. Коммунизм — это кульминационное выражение прометеевского начала, которое заставляет человека тянуться к миру, чтобы по-новому перестроить его. Это вера в науку, пробуждающаяся к политической жизни».

Хотя здесь налицо такие «страшные» слова, как «ересь» и подтачивание «основ» цивилизации, — все это звучит подлинным восславлением коммунизма. Ведь европейская цивилизация неизменно двигалась вперед благодаря «прометеевскому началу» в сердцах и умах лучших ее представителей. От таких «еретиков», как Галилей и Коперник, Леонардо да Винчи и Минел-

анджело, от Эразма Роттердамского — до Ньютона, Лютера, Пастера, Бетховена, Менделеева, Дарвина, Павлова, Жолио-Кюри, и получала свое поступательное движение наша цивилизация. Ведь не благополучны и тупые бюргеры нынешней Западной Германии вкупе с канцлером Аденауэром, о котором сам Шламма свидетельствует, как о посредственности, человеке самодовольном, «с весьма мешанскими вкусами и предрассудками», основывали и развили «западную цивилизацию».

Как это ни странно, но автор «Пределов чуда» вынужден признать, что именно коммунизм и коммунизм — законные наследники всего, что создано европейской цивилизацией. Он спрашивает: «Чем объяснить, что с 1917 года люди наиболее тонкой душевной организации, ученые, творчески одаренные люди всего мира легче, чем представители других слоев общества, поддаются под влияние коммунизма?». И отвечает: тем, что «коммунизм представляет собой синтез многовековых еретических, но высоких по духу устремлений, развившихся в недрах нашей цивилизации». «Гипнотическая сила» коммунизма, по словам Шламма, «действительно, имеет духовную, интеллектуальную природу», «в коммунизме — все смелые дерзания человеческого интеллекта», коммунизм — «это завершающаяся фаза веры в науку»...

Вот почему в течение сорока одного года «Советы», «Москва», «коммунизм» одерживали только победы, а «слабый Запад» терпел одни поражения. Коммунизм, если суммировать все высказывания Шламма, — прямой продолжатель всех прогрессивных течений XVIII и XIX вв., а поему американский немец Шламма не верит больше ни либерализму, ни социал-демократам в Европе — все они «ненадежны». Надежен только мещанин Аденауэр, но он стар, — надо торопиться. В поход!

НАПРАСНЫЕ СТРАХИ

Зачем, в сущности, немцам вкуче с американцами идти в новый поход? Новоявленный подстрекатель страдает полным отсутствием логики. Советский Союз, пишет он, не нападет... но коммунизм завоеует весь мир без войны. А потому, видите ли, и надо воевать. Еще нелепее запугивания, направленные прямо к жителям Западной Германии: Шламма утверждает, что для Советского Союза якобы совершенно необходим Рур, без Рура коммунизму «не обойтись». И в этом смысле особенно «опасно» мирное сосуществование двух систем...

Едва ли испугают немцев эти стенания. Германский народ, его лучшие представители вложили немалый вклад в мировую цивилизацию. Их тоже всегда влекло к себе «прометеевское начало». А если говорить о задачах современной политики, то мирное сосуществование — это и есть тот единственный путь, по которому могут идти все государства, и в их числе Федеративная Республика Германии. Естроно, излюбленному ее жителями образу жизни грозит только программа полного уничтожения, провозглашенная бывшим немцем, издающим свои писания в Цюрихе.

Социалистическое общество существует рядом с обществом капиталистическим. Они могут и должны жить в мире, в мирном сотрудничестве и соревновании не на полях сражений, а на полях созидания. И никто уже ныне не поверит Шламму, что «Советам», «Кремлю» якобы «необходимо» что-то завоевывать, присоединять. Для достижения своих целей, — а цели эти состоят в том, чтобы неизмеримо улучшить жизнь людей «на основе науки», на основе использования всех сокровищ природы, — коммунизму действительно нужен мир, прочный мир во всем мире.

Б. ЛЕОНТЬЕВ

...Недавно, прося из Польши в Советский Союз, я задержался в старинном Перемышле. Вместе с гостеприимными работниками городского комитета ПОРП и его секретарем Якубом Вильнером — старым подпольщиком, узником гитлеровских лагерей смерти, мы обходили места боев на Санае. Все помнят, как сражались здесь вместе с бойцами заводской охраны кадров фабрики имени 17 сентября Лизагубов, экономист Скоромный, вояка коммунистов Орленко. Польский патриот Тадеуш Корбас, которому в то утро войны было шестнадцать лет, с бойцом Иваном Орловым подобрал на стадионе у Сана тяжело раненого пограничника. Они перенесли его под обстрелом на квартиру к Лешнему, в дом 12 по улице Сенкевича. Лешный оказал помощь советскому воину, прятал его от гитлеровцев, а когда в город вернулись наши пограничники, отправил своего подопечного в полевою госпиталь.

Тадеуш Корбас видел сам, как пять безвестных героев-пограничников, отрезанные от своих в блонгаузе у реки, до 26 июня отбивали одну за другой атаки немцев, и только когда вышли все патроны, они, не желая сдаваться, подорвали себя гранатами...

Якуб Вильнер передал нам папку фотографий, найденных у одного из убитых впоследствии гитлеровских корреспондентов. На этих фотографиях запечатлено вторжение врага на берега Саны. И снова передо мной ярко прошло былое — об этом нельзя забывать.

...Накануне войны древний город Перемышль был рассеян надвое пограничной линией. Она проходила по берегу реки Сан. С восточного берега можно было отчетливо видеть противоположную сторону и часть Перемышля — Засање, занятую гитлеровскими войсками. Когда на рассвете 22 июня 1941 года гитлеровские артиллеристы открыли огонь по советскому берегу, в Перемышле не было регулярных войск. Все части ушли в лагерь. Советскую землю на берегах Сана защищали в первые часы войны только пограничники. Как львы, дрались с гитлеровскими войсками в зеленых фуражках, изо всех сил отстаивая железнодорожный мост через Сан — важный объект на пути Львов — Краков.

Только после полудня 22 июня, темными частями вторжения, пограничники

ки вынуждены были отойти в район городских кладбищ. Но в бункерах над рекой все еще оставались небольшие группы пограничников. Они вели ожесточенный огонь по гитлеровцам.

После полудня к границе подтянулись советские войска. Прибывший к пограничникам представитель командования, принимая сводный батальон, приказал его командиру — старшему лейтенанту Паливоду во что бы то ни стало выбить врага из города и восстановить государственную границу на прежнем рубеже.

Всю ночь пограничники вели активную разведку в городе. Они замечали, где расположили немцы свои орудия и пулеметы, добывали «языков». А поутру 23 июня, обхватывая город от села Вовче и со стороны старинного замка королевы Ядвиги, советские войска стали выбивать захватчиков из города. Вспыхнули рукопашные схватки. Храбро сражались в составе батальона коммунисты и советские работники города во главе с секретарем горкома партии тов. Орленко. И вот две группы пограничников с развернутым альбом знаменем прорвались в Засање. А к вечеру 23 июня все основные силы захватчиков были отброшены за Сан, и пограничники заняли свои прежние позиции на берегу реки.

Утром 25 июня в очередной сводке Совинформбюро была передана радостная весть об этой победе: «Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем». Название старинного города прозвучало и в сводке от 27 июня, когда сообщили по радио: «На всем участке фронта, от Перемышля и до Черного моря, наши войска прочно удерживают госграницу».

Город эвакуировался в полном порядке. По приказу командования старший лейтенант Паливода взорвал мост через Сан, прергавший тем самым движение поездов на этом важном направлении до зимы 1941 года.

И только 28 июня, ближе к полудню, после того как на Луцком направлении развернулись танковые бои, сводный отряд Паливоды, пять дней оборонявший Перемышль — первый город, отобраный у врага, — по приказу командования стал отходить на новые позиции. Бывалые пограничники и закалявшиеся в первых боях у Сана молодые бойцы покидали пылающую границу. В запыленных и рваных гимнастерках советские воины-герои шли на восток, шли, не побежденные врагом. ...Пройдут года. О контрударе в Перемышле будут написаны книги. А пока мне хочется этой заметкой напомнить читателям, как уже тогда над Саном блеснула зарница — предвестница нашей великой победы.

Этого нельзя забыть

Степан ЗЛОВИН

ЭТО рисунки московского педагога, преподавателя рисования А. А. Смолянинова. В начале Отечественной войны он вступил в ополчение. Попал в плен к фашистам, прошел лагерь военнопленных в Прибалтике, в Германии. Его рисунки — свидетельство очевидца.

Условия, созданные гитлеровцами для советских военнопленных, были несовместимы ни с какими понятиями о человечности. Это был режим непосильного труда, постоянного голода, истощения людей любой всеми способами и средствами. Это был режим повседневного унижения человеческого и гражданского достоинства, режим подавления воли и мысли.

Художник, который не видел воочию этих лагерей уничтожения, не в силах был представить себе военнопленных, несущих кирпичи, — может быть, для постройки карцеров, может, для печей крематория, а то и просто, без какого бы то ни было смысла, — так изощренно мучили людей...

Человек, не испытавший этого, не смог бы так показать, например, возвращение с работы. Люди в одежде, клейменной знаком «SU» (Советский Союз), с трудом перегибают ноги после тяжелого, непосильного дня. Тот, кто останется на миг, уже не двинется дальше, его настигнет фашистская пуля. Но в душах измученных, изурнувших людей не угасает чувство товарищества: двое заключенных в лохмотьях поддерживают изнемогающего товарища, такого же юного красноармейца, с которым они, может быть, недавно локоть о локоть лежали в окопе или шли вместе в атаку...

И вот «реверс» — это лагерная лечебница. Кто не в силах утром подняться с нар, тот при удаче может попасть в «реверс». Правда, для большинства — это всего лишь преддверие смерти. Их лица с провалившимися темными глазами похожи на лица мертвецов; их руки и ноги, как палки.

Смерть во всех обликах — от пули, от удара прикладом, штыком, от дубины, от голода и болезни — царил в лагере.

В своей серии автор изобразил уборку из лагеря трупов. Завтрашние мертвецы, выбываясь из сил, волокут по земле на лагерьные кладбище вчерашних соседей по нарам в бараке, недавних соратников по борьбе против фашизма. Непонятно, не выданные фигуры, посты этих людей...

Но недаром фашистам так усердно клеймили знаком «SU» советских военнопленных. Любой советский боец в плену, пока еще билось его сердце, делал мечту о победе, желание вырваться за проклятую коммунистическую проволоку, вернуться в ряды сражающегося родного народа. Тема побега нашла отражение в привидимом рисунке А. Смолянинова.

Его рисунки — потрясающий человеческий документ, но если подойти к ним с критерием художественного произведения, то хотелось бы большей общечеловечности, глубины. Тема страданий, горя по-прежнему владеет автором. А жаль! Фашистские пленники знали не только страдания, скорбь и смерть. В советских людях горело неугасимое пламя ненависти, протеста, сопротивления фашизму, воли к борьбе. Этого автор рисунков не сумел в полной мере передать... В глубоких провалах глазниц он увидел только покорную безнадельность и пустоту смерти и не заметил искры живого огня, который не угасал в глазах советских людей до последнего часа.

Ведь это они, эти самые люди, убивали фашистских конвоиров и захватив оружие, уходили в леса, в партизаны. Это они вывели из строя на фашистских заводах станки и машины. Это они после дневного изнуряющего труда где-нибудь на шахтах находили в себе силы, чтобы прыть многометровые подковы под стенами барачных и лагерных оград.

Серия, из которой взяты рисунки, публикуемые сегодня, насчитывает около сорока работ. Это — гневное обвинение против фашизма. Разоблачение зверств фашизма никак нельзя считать темой, подлежащей забвению. Особенно сейчас, когда реваншисты вновь поднимают головы.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЫБИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Летом в Ясной Поляне

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

кладбище под общей толстовской сенью. Рассказчик он проточливый и притом в особом историографическом стиле, даже с некоторым помпильным налетом.

На следующий день я взял уже давно знакомые мне машинописные тетради дневников Софьи Андреевны (они по-прежнему хранятся в библиотеке). На этот раз это были тетради 1917 и 1918 годов — «Ежедневника», очень подробно рассказывающие о совместной жизни Софьи Андреевны с Татьяной Андреевной. Обе сестры, конечно, не совсем разобрались в событиях, грохотавших за пределами Ясной в эти годы. Но Татьяна Андреевна не понимала даже того, почему нельзя было в это время жить на ту же нугу, как прежде: она во всех недостатках винила сестру и все беды объясляла дурным ее отношением к себе. Было тяжело читать об их враждовании, безумно жалко Софью Андреевну и — не могу понять — почему, но жалко и самого себя. Будто на мне лежал ответ за то, что в холодной Ясной Поляне старуха Кузминская устраивает сены старухе Толстой потому, что она не велит подавать ей утром настоящую кофю. Я все время, читая, видел Кочаковского деревянную ограду с двумя одинаковыми белыми крестами.

Ах, лет у нас нового Лескова! Что за кледы распылены вокруг реставрируемого последнего десятилетия российского православия!

Попик Кочаковский церкви, можно сказать, алмаз среди самоцветов этого ожерелья. В малиновой скуфеечке, в расшитом глазастыми цветами, широком шелковом поясе, в талии охватывающем легкий подрясник, сам легкий, порхающий, востроный, веселый, прибежал ко мне, когда я ходил по некрополю, молодой батюшка:

— Не пожелаете ли осмотреть наш храм?

Он пошел не впереди, не сбоку даже, а на том почтительном отстоянии на полушаг, которое инстинктом усвоенно природными слугами значительного начальства. Уже и в самом храме не утратил он в своих изгибах выюна ни капли и ни толочки, а так и выюнил немножко позади меня, подкашивая почтительно, в какую сторону мне следует посмотреть. Церковь вся была начинена, даже, пожалуй, надрана, и переливалась огоньками. Иконастас сверкал электрическими лампочками всех цветов. Роспись стен, как видно, только что реставрированная, бледнела и отсвечивала лаком. Краски ее, конечно, отвечают вкусам неприхотливых маляров. Перед иконами кружева, платочки, цветочки и начиненные подвеснички, многочисленные лампады с подвесочками на сверкающих цепях. Вонши в алтарь. Тут еще более пышно — бархат, огни, краски, кружева, вышивания. Не знаю, не нарочно ли был поставлен и стоял у стены древний, в седей, неудержимой гриве дынок, читающий, вероятно, часослов. Лик этого служителя алтаря и особилов нос, рубиновый, как лампада, никак не убеждали в его набобности, тем менее — в богобоязливом чувстве. Когда, вышедши из алтаря, я спускался с амвоны, батюшка придержал меня под локоточек, чтобы — упаси бог — высокий посетитель не оступился. Я спросил его, не начинается ли скоро всепонощная (была суббота). Он ответил, что еще не скоро. Я спросил — почему же зажжено столько огней и все так торжественно? — Это для вас! — сказал он, счастливо ослабившись. Мне даже почувствовалось, что он особенно растолкувал святающее «с»: — для вас-с!.

Старушки, собиравшиеся в церковь, подходили к нему под благословенье и старались поцеловать ему руку, но он с каким-то элегантным смирением отнимал руку и возлагал ее на темечко молящихся.

— Вам понравился наш храм? — спросил он меня на прощание, заглядывая в глаза...

Поездка в Грумант — мой давний план. Желание и необходимость. Сделал подробную запись, начертил планы, топографически приближенные достаточно, чтобы ясно видеть деревню окрестность и писать спокойно, уверенно. Это будут две главы: ночь Надьи у Маши (кульминация пребывания немцев в Ясной) и бегство немцев по Крапивенской дороге.

Деревня очень приятная, интимная — овражек, родник, пруд. Ручкой податливый лес. Разговор со свидетелем бегства немцев — крестьянином. С окружающими Грумант холмов — большой обзор местности. Мы прошли часть пути пешком, возвращались через ручей Кочак. Со мной были Пузин, Поповкин и один Туляк.

Когда вернулся из Груманта, нас ждало телеграфное известие из Москвы: скончалась Софья Андреевна Толстая-Есенина.

Вечером — разговор о ней. Тело переезду в Ясную. Одной могилкой в Ючаковском некрополе станет больше. Болезнь Софьи Андреевны была очень тяжелой и кончилась маразмом.

Летом в Ясной Поляне

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

На следующий день я взял уже давно знакомые мне машинописные тетради дневников Софьи Андреевны (они по-прежнему хранятся в библиотеке). На этот раз это были тетради 1917 и 1918 годов — «Ежедневника», очень подробно рассказывающие о совместной жизни Софьи Андреевны с Татьяной Андреевной. Обе сестры, конечно, не совсем разобрались в событиях, грохотавших за пределами Ясной в эти годы. Но Татьяна Андреевна не понимала даже того, почему нельзя было в это время жить на ту же нугу, как прежде: она во всех недостатках винила сестру и все беды объясляла дурным ее отношением к себе. Было тяжело читать об их враждовании, безумно жалко Софью Андреевну и — не могу понять — почему, но жалко и самого себя. Будто на мне лежал ответ за то, что в холодной Ясной Поляне старуха Кузминская устраивает сены старухе Толстой потому, что она не велит подавать ей утром настоящую кофю. Я все время, читая, видел Кочаковского деревянную ограду с двумя одинаковыми белыми крестами.

Ах, лет у нас нового Лескова! Что за кледы распылены вокруг реставрируемого последнего десятилетия российского православия!

Попик Кочаковский церкви, можно сказать, алмаз среди самоцветов этого ожерелья. В малиновой скуфеечке, в расшитом глазастыми цветами, широком шелковом поясе, в талии охватывающем легкий подрясник, сам легкий, порхающий, востроный, веселый, прибежал ко мне, когда я ходил по некрополю, молодой батюшка:

— Не пожелаете ли осмотреть наш храм?

Он пошел не впереди, не сбоку даже, а на том почтительном отстоянии на полушаг, которое инстинктом усвоенно природными слугами значительного начальства. Уже и в самом храме не утратил он в своих изгибах выюна ни капли и ни толочки, а так и выюнил немножко позади меня, подкашивая почтительно, в какую сторону мне следует посмотреть. Церковь вся была начинена, даже, пожалуй, надрана, и переливалась огоньками. Иконастас сверкал электрическими лампочками всех цветов. Роспись стен, как видно, только что реставрированная, бледнела и отсвечивала лаком. Краски ее, конечно, отвечают вкусам неприхотливых маляров. Перед иконами кружева, платочки, цветочки и начиненные подвеснички, многочисленные лампады с подвесочками на сверкающих цепях. Вонши в алтарь. Тут еще более пышно — бархат, огни, краски, кружева, вышивания. Не знаю, не нарочно ли был поставлен и стоял у стены древний, в седей, неудержимой гриве дынок, читающий, вероятно, часослов. Лик этого служителя алтаря и особилов нос, рубиновый, как лампада, никак не убеждали в его набобности, тем менее — в богобоязливом чувстве. Когда, вышедши из алтаря, я спускался с амвоны, батюшка придержал меня под локоточек, чтобы — упаси бог — высокий посетитель не оступился. Я спросил его, не начинается ли скоро всепонощная (была суббота). Он ответил, что еще не скоро. Я спросил — почему же зажжено столько огней и все так торжественно? — Это для вас! — сказал он, счастливо ослабившись. Мне даже почувствовалось, что он особенно растолкувал святающее «с»: — для вас-с!.

Старушки, собиравшиеся в церковь, подходили к нему под благословенье и старались поцеловать ему руку, но он с каким-то элегантным смирением отнимал руку и возлагал ее на темечко молящихся.

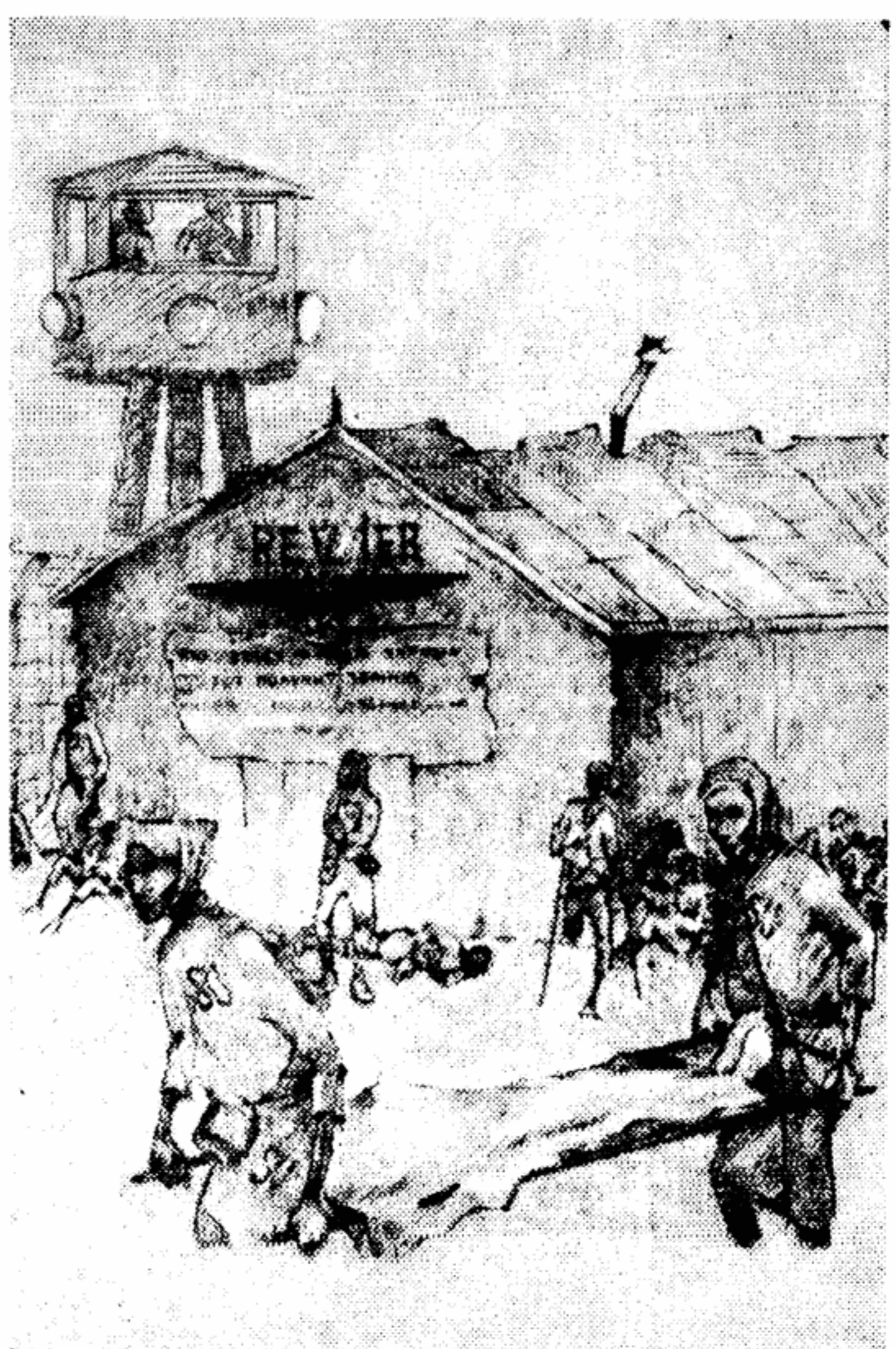
— Вам понравился наш храм? — спросил он меня на прощание, заглядывая в глаза...

Поездка в Грумант — мой давний план. Желание и необходимость. Сделал подробную запись, начертил планы, топографически приближенные достаточно, чтобы ясно видеть деревню окрестность и писать спокойно, уверенно. Это будут две главы: ночь Надьи у Маши (кульминация пребывания немцев в Ясной) и бегство немцев по Крапивенской дороге.

Деревня очень приятная, интимная — овражек, родник, пруд. Ручкой податливый лес. Разговор со свидетелем бегства немцев — крестьянином. С окружающими Грумант холмов — большой обзор местности. Мы прошли часть пути пешком, возвращались через ручей Кочак. Со мной были Пузин, Поповкин и один Туляк.

Когда вернулся из Груманта, нас ждало телеграфное известие из Москвы: скончалась Софья Андреевна Толстая-Есенина.

Вечером — разговор о ней. Тело переезду в Ясную. Одной могилкой в Ючаковском некрополе станет больше. Болезнь Софьи Андреевны была очень тяжелой и кончилась маразмом.

Москва, Литгазета. Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информация — К 4-08-09, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутар — К 5-00-00.